

ЛЕН ДЕЙТОН

ЛЕН ДЕЙТОН

БРИТАНСКИЕ

СС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Д25

Len Deighton

SS-GB

Перевод с английского *Е.Ю. Алексеевой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Jonathan Clowes и Andrew Nurnberg.

Дейтон, Лен.
Д25 Британские СС : [роман] / Лен Дейтон ; [пер. с англ. Е. Ю. Алексеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-17-101078-2

Ноябрь 1941-го. Бои отгремели. Война окончена. Британия оккупирована фашистами...

Что это? Сбывшийся кошмар? Нет! Это роман Лена Дейтона — классика альтернативной истории. По этой книге Би-би-си сняла сериал, уже вышедший на экраны в Великобритании.

Дуглас Арчер, инспектор сыскной полиции в Лондоне. Хотя теперь начальство у Скотленд-Ярда другое, Арчера угрызения совести не мучают — кто-то же должен ловить убийц, а в политику он не лезет. Но вот однажды утром Арчер начинает расследовать одно загадочное убийство, которое выведет его и к британскому Сопротивлению, и к разведкам разных держав, и в итоге — к очень большой политике.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Len Deighton, 1978

Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-101078-2

Народ Англии преисполнен любопытства. Все спрашивают: «Почему же он не приходит?» Спокойствие. Спокойствие. Он идет. Он идет!

Адольф Гитлер,

4 сентября 1940 г.

*Выступление на демонстрации
медицинских и социальных работников в Берлине*

Акт капитуляции — английский текст

Относится ко всем британским войскам в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, включая все острова.

1. Британское командование объявляет о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, включая все острова, а также зарубежные военные формирования. То же относится к Королевскому флоту во всех частях света, как в плавании, так и в портах.

2. Все военные действия британских вооруженных сил на суше и на море должны быть прекращены к 19 февраля 1941 г. к 08-00 часам по Гринвичу.

3. Отныне британское командование будет неукоснительно и без обсуждений выполнять все приказы немецкого командования по любым вопросам.

4. Противодействие приказам или их невыполнение будет расцениваться как нарушение настоящего акта и повлечет за собой меры по законам военного времени.

5. Настоящий акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным германским командованием или от его имени, применимым к Соединенному Королевству и объединенным нациям.

6. Настоящий акт составлен на немецком и английском языках. Только немецкий текст является аутентичным.

В случае любых споров о трактовке настоящего акта капитуляции приоритетное решение остается за немецким командованием.

Глава 1

— Георга посадили в Тауэр эсэсовцы Гиммлера, а немецкие генералы считают, что стеречь короля должна армия, — брюзгливо произнес Гарри Вудс.

Его коллега воздержался от комментариев, даже не подняв глаза от бумаг. Каучуковый штампель оставил на очередном документе оттиск: «Скотленд-Ярд, четырнадцатое ноября тысяча девятьсот сорок первого года». Невероятно. Прошло всего два года с того дня, как началась война. И все уже кончено. Бои отгремели. Страна проиграна. Бумажной работы теперь столько, что документы едва умещаются в две обувные коробки, отведенные под входящие и исходящие. Туфельки «Дольчис», шестой размер, на узкую ногу, лакированная кожа, высокий каблук. Инспектор сыскной полиции Дуглас Арчер знал только одну женщину, которая могла бы носить такие. Свою секретаршу.

— Ну, по крайней мере, слухи такие ходят, — добавил Гарри Вудс, пожилой сержант, вторая половина «убойного отдела».

Дуглас Арчер подписал документ, переложил его в другую стопку и поднял голову. Кабинет у них с Гарри был убогим и запущенным. Стены, когда-то выкрашенные в зеленый и белый цвет, потемнели от времени, а стекла подслеповатых окон покрывал такой слой грязи в дождевых разводах, что даже днем приходилось включать электрическое освещение.

— Не стоит крутить шашни на работе, — посоветовал Гарри, хотя советовать было уже поздно.

Любой другой на его месте — человек не такой бесцеремонный, не такой словоохотливый, не такой добродушный — на этом бы и остановился. Но только не Гарри. Гарри сделал вид, что не замечает холода в улыбке начальника, и продолжил гнуть свое:

— Есть же на кого посмотреть! Вот хоть блондинка из канцелярии. Или немка эта грудастая из связей с СС, она, по слухам, дама легких нравов. Но чтоб со своей же секретаршей...

— Ты уделяешь слишком много внимания слухам, Гарри, — спокойно заметил Дуглас Арчер. — Вот в чем твоя беда.

— Нет уж, шеф, нельзя уделить слухам слишком много внимания, если работаешь в полиции, — парировал Гарри Вудс, ничуть не смутившись. — А ты бы, если б глаза свои разул, сам бы все понял. Детектив-то ты отменный, но просто диву даешься, до чего скверно ты разбираешься в людях. Вот в чем твоя беда.

Более ни один сержант не осмелился бы говорить с Дугласом Арчером в такой манере, однако Гарри пользовался особым отношением. В конце концов, они знали друг друга еще с начала двадцатых. В то время Гарри Вудс был статным молодым констеблем с военной медалью на груди; хорошенькие юные горничные сами подносили ему свои сердца, а престарелые кухарки — мясные пироги. Дуглас Арчер, девятилетний мальчишка, гордился тем, что такой человек говорит с ним как с равным и все это видят. А когда Дуглас поступил на службу младшим инспектором напрямую из Хэндонского колледжа полиции, именно Гарри Вудс взял его под свое дружеское покровительство — а ведь тогда юных обладателей элитных дипломов в полиции было принято всячески шпынять.

Гарри знал все, что следовало знать полицейскому, и даже больше. Он помнил, в каком часу какой ночной сторож ставит чай. Во время дождя он за минуту нахо-

дил котельную, в которой можно погреться. Он всегда был в курсе, под какой кучей мусора найдутся спрятанные деньги, но никогда не брал больше трети — чтобы не вынуждать владельцев кафе и лавок искать другой способ приплачивать дворникам за дополнительную работу. Впрочем, все это осталось далеко позади; благодаря щедротам вест-эндских кабатчиков Гарри отрастил живот и приобрел кирпичный цвет лица — причем раньше, чем целеустремленность привела Дугласа Арчера в департамент уголовного розыска, а затем в «убойный отдел» Скотленд-Ярда.

— На участке «С» труп, — сообщил Гарри. — Остальные заняты. Ну что, мешок для тела готовить?

Дуглас понимал, что от него ожидается удивление, и вскинул бровь.

— Тебе-то откуда это уже известно?

— Квартира в районе Шепард-Маркет, набитая виски, кофе, чаем и всем таким прочим, на столе — россыпь талонов люфтваффе на горючее. Жертва — хорошо одетый мужчина, вероятно, промышлял на черном рынке.

— Думаешь?

Гарри улыбнулся.

— Помнишь парней, которые прихлопнули управляющего складом в Фулхэме? Они подделывали талоны на горючее. Может, и этот из их шайки.

— Гарри, ты мне скажешь, откуда у тебя информация, или ты настроен прямо сейчас раскрыть это убийство, не вставая из-за стола?

— Участковый сержант на Сэвил-Роу — мой давний собутыльник. Только что мне позвонил. Труп обнаружили соседи и вызвали полицию.

— Спешки нет, — твердо произнес Дуглас Арчер. — Никуда бежать мы не будем.

Гарри закусил губу. По его мнению, шеф вообще никогда никуда не спешил. Гарри Вудс был полисме-

ном старой закалки. Он презирал картотеки, микроскопы и переключивание бумажонок. Ему больше нравилось общаться с людьми, пить, проводить допросы и аресты.

Тридцатилетний Дуглас Арчер, стройный и высокий, принадлежал к новому поколению детективов, отказавшихся от негласной униформы «убойного отдела» Скотленд-Ярда — черного плаща с воротником-стойкой, брюк в тонкую полоску и котелка. А носил он темные рубашки и широкополую шляпу — вроде той, что была у Джона Рафта в гангстерских кинофильмах. В завершение образа он пристрастился к курению маленьких черных манильских сигар — так часто, насколько хватало пайка. Вот и теперь инспектор в третий раз попытался раскурить очередную — табак был скверного качества и норовил погаснуть. Зря потратив последнюю спичку, он огляделся по сторонам, и Гарри перебросил ему коробок.

Дуглас был истинным лондонцем и обладал многими присущими этому племени качествами — то есть был сметлив, изобретателен и, как говорится, себе на уме. Хотя, как и многие из тех, кто рос без отца, был склонен к некоторой закрытости и отстраненности. Негромкий голос и оксфордский акцент, пожалуй, больше соответствовали бы какой-нибудь кабинетной работе, но Дуглас ни разу не пожалел, что выбрал полицию. И знал, что во многом этому способствовал Гарри. Для одинокого богатого мальчика констебль Гарри Вудс, сам того не подозревая, стал заменой отца.

— А если купоны не поддельные? — спросил Дуглас. — Если они настоящие? Тогда тут замешан немецкий персонал, и дело все равно в итоге перенаправят в военно-полевой суд люфтваффе в Линкольнс-Инн. А мы только зря потратим время.

— Это убийство, — веско заметил Гарри. — Кучка талонов на горючее погоды не сделает.

— Это закон, Гарри. Давай попробуем защитить хотя бы ту его часть, которая нам предписана. Все преступления, в которые так или иначе вовлечен персонал люфтваффе, рассматриваются судами люфтваффе.

— Надо успеть раньше! — В волнении Гарри пригладил пятерней шевелюру, которая все равно продолжала торчать во все стороны. — Выбьем из этого гада признание и отправим в письменном виде в тайную военную полицию и комендатуру — примите, с глубоким почтением! А иначе немчура опять закроет дело «за отсутствием улик» или переведет виновных на какую-нибудь непыльную работенку за границей!

Гарри никогда не сдавался. Люди его поколения — те, кто воевал и победил на полях Фландрии, — не признавали поражений. Однако Дуглас Арчер никогда не был солдатом. Он любил свою работу и собирался выполнять ее, пока немцы позволяют.

— Попрошу придерживаться официальной терминологии, а свое личное мнение держать при себе. — Дуглас постучал пальцем по кипе полицейских сводок. — Лично я далек от заблуждения, что они попустительствуют своим. В прошлом месяце пятерых казнили. Причем одного — майора танковой дивизии с Рыцарским крестом — всего лишь за часовое опоздание на смотр военной техники. — В подтверждение своих слов он шлепнул всю кипу Гарри на стол.

Гарри поднял на него глаза.

— Ты что, правда все это читаешь?

— И тебе бы следовало. Тогда бы ты знал, что генерал Келлерман теперь проводит летучки с персоналом уголовного розыска по вторникам в одиннадцать часов, то есть очередная состоится через десять минут.

— А все потому, что старый хрен имеет привычку слишком много выпивать за обедом. А после, когда возвращается из офицерского клуба, не в состоянии вспомнить по-английски ничего, кроме «заффтра, заффтра»!

И Гарри Вудс не без удовольствия отметил, как Дуглас непроизвольно покосился по сторонам — не слышал ли кто эту тираду.

— Так или иначе, факт остается фактом, — осторожно проговорил Дуглас. — Келлерман ждет моего отчета. И вряд ли он сочтет уважительной причиной для опоздания раскрытие убийства, которое нас еще не пригласили расследовать.

Он встал и принялся собирать нужные бумаги.

— А я бы послал его к чертям, — заявил Гарри. — А я бы сказал ему, что работа прежде всего.

Дуглас Арчер вынул из зубов сигару, бережно затушил и убрал в верхний ящик стола в компанию к лупе, билетам на давно пропущенный концерт и сломанной чернильной авторучке.

— Келлерман не так уж и плох, — пожал он плечами. — Все-таки при нем полиция Большого Лондона сохранилась в более или менее неизменном виде. Ты уже забыл, как сюда хотели посадить немецких комиссаров? Келлерман не позволил.

— Конечно, это ведь конкуренция, — пробурчал Гарри. — А Келлерман не выносит конкуренции.

Дуглас сунул свой доклад и прочие документы в портфель и щелкнул замком.

— На тот маловероятный случай, если все же позвонят с Вест-Энда и пригласят нас, держи наготове мешок для трупа и автомобиль закажи. И передай, чтобы фотограф оставался на месте, пока я его не отпущу. И врач тоже. И патологоанатом.

— Господину врачу это не понравится.

— Благодарю, Гарри, за ценное замечание. Отправь господину врачу от меня пачку таблеток, унимающих боль от шила в заднице, и напомни, что ты звонишь с номера «Уайтхолл-двенадцать-двенадцать», из штаб-квартиры криминальной полиции, полиции порядка, полиции безопасности и гестапо. Все жалобы по пово-

ду долгого ожидания пусть направляет в перечисленные организации в письменной форме.

— Ну-ну, чего разошелся-то? — буркнул Гарри.

Зазвонил телефон. Бесстрастный голос личного помощника Келлермана передал инспектору Арчеру наилучшие пожелания от генерала и поинтересовался, когда ему будет угодно представить господину генералу свой отчет.

— Сию секунду, — ответил Дуглас и положил трубку на рычаг.

— Яволь, герр майор! Целую вас в зад, герр майор! — пропел Гарри.

— Господи, да сколько можно! — не выдержал Дуглас. — Уж ты бы помолчал! Мне приходится иметь с ними дело напрямую. Тебе — нет.

— И все равно. Ты лижешь им задницы.

— А сколько, по твоим подсчетам, задниц пришлось облизать, чтобы убрать фамилию твоего брата из приказа о депортации?

Это вырвалось случайно. Дуглас не собирался ставить Гарри в известность и теперь был на себя очень зол.

— Его вычеркнули, потому что он принес заключение от врача! — выпалил Гарри, но по глазам было видно, что он уже все понимает; большинство техников, отправляемых на немецкие фабрики, могли показать какую-нибудь бумажку от сочувствующего медика.

— Ну... это тоже помогло.

— Я не знал, Дуг... — проговорил Гарри, однако Дуглас уже быстрым шагом поднимался на второй этаж. Немцы очень трепетно относились к пунктуальности.

Глава 2

Генерал — или в терминологии СС «группенфюрер» — Фриц Келлерман, давно разменявший шестой десяток, всегда имел благодушный вид. Роста он был сред-

него, однако вследствие любви к хорошей еде и выпивке приобрел некоторую полноту и не сходящий с лица румянец. Все это вкупе с привычкой стоять, заложив обе руки в карманы, могло создать у стороннего наблюдателя иллюзию, что Келлерман — толстый коротышка, и зачастую именно так его за глаза и описывали. Подчиненные звали его «фатер». И все же для получения более распространенного прозвища «папа» благодушия его с очевидностью не хватало. Видя седую шевелюру, не один молодой офицер опрометчиво согласился на предложение генерала составить ему компанию на утренней пробежке через парк. Мало кто соглашался на этот подвиг во второй раз. И лишь новички рисковали сыграть с ним партию в шахматы — в юности генерал был чемпионом Баварии. «Что ж, сегодня удача мне улыбнулась», — скромно говорил он противнику, нанеся ему унизительное поражение.

До победы Германии Дугласу редко приходилось бывать в этом кабинете на втором этаже. Комната с эркером прежде использовалась только комиссаром полиции. Затем она перешла в распоряжение Келлермана, стоявшего во главе полиции всей оккупированной страны. Теперь Дуглас часто заглядывал сюда с отчетом, и ему, наряду с несколькими другими сотрудниками, была пожалована привилегия входить не через приемную с секретарем, а напрямую, через отдельную дверь. Прежде через нее в кабинет допускались лишь заместители комиссара. Генерал Келлерман называл это частью «принципа вождизма». Гарри Вудс называл это пылью в глаза.

В ведении нового владельца кабинет комиссара полиции почти не изменился. В углу стоял массивный письменный стол красного дерева, за ним стул — спинкой к эркерному окну, которое давало рабочему месту освещение со всех сторон и открывало великолепный вид на реку. На широкой мраморной каминной полке каждые

полчаса отбивали время пышно изукрашенные часы, за изогнутой решеткой пылал огонь, отбрасывая блики на полированную медную поверхность каминных приборов и ящика для угля. Пожалуй, единственное заметное нововведение представлял собой плывущий по дальней стене косяк рыб, заключенных в стеклянные коробки. Под каждым чучелом золотом было выбито имя Фрица Келлермана, место и дата поимки.

В кабинете ожидали двое в военной форме. Дуглас застыл на пороге.

— Входите, инспектор, входите, — пригласил его Келлерман.

Незнакомцы переглянулись и обменялись кивком. Англичанин подходил им идеально. Мало того, что его называли лучшим детективом отдела убийств, он к тому же был молод, атлетически сложен и имел бледное угловатое лицо, что среди немцев считалось признаком породы. Он был «немецкого типа», превосходный экземпляр «нового европейца». Да еще и блестяще знал язык.

Один из военных взял со стола Келлермана блокнот.

— Еще один снимок, генерал.

Второй достал неизвестно откуда фотокамеру «лейка» и опустил на колено, глядя в видоискатель.

— Пожалуйста, вместе с инспектором смотрите на какие-нибудь бумаги или карту... ну сами понимаете!

На обшлагах рукавов серой униформы Дуглас заметил нашитые ленты. Рота пропаганды вермахта.

— Нам следует их послушаться, инспектор, — заметил Келлерман. — Эти ребята из журнала «Сигнал». Приехали поговорить с нами аж из самого Берлина.

Испытывая неловкость, Дуглас обошел письменный стол и стал изображать, что внимательно читает что-то на передовице «Таймс», тыкая пальцем в газетную страницу. Чувствовал он себя при этом совершеннейшим болваном; Келлермана подобный цирк, очевидно, ничуть не смущал.